

Н.В. Колесник

ВОЗМОЖНО ЛИ СРАВНЕНИЕ РОССИЙСКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ?

Рецензия на книгу: *Политические институты России и Франции. Традиция и современность: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Ефременко Д.В., Лапина Н.Ю.* М.: ИНИОН РАН, 2014. — 256 с. — (Сер.: Политология). ISBN: 978-5-248-00756-1

Вводные замечания

Книга «Политические институты России и Франции: традиции и современность», изданная в ИНИОНЕ, содержит значимые и содержательные тексты, что, по сути, означает существование и развитие российской политологии, хотя по этому вопросу внутри профессионального сообщества существуют разные точки зрения. Если обратиться к дискуссии, которая развернулась в последние годы в российской науке о состоянии политологии в России, то, как правило, «политологические консилиумы» выносят ей разные диагнозы. Конечно, в этой процедуре не последнюю роль играет институциональная принадлежность ученых, однако важен и ряд других факторов. В дискуссии наблюдаются полярные, как радикальные, так и умеренные точки зрения, но особенно важен вопрос, который обозначил ученый А.П. Кочетков: в этом обсуждении следует определить критерии профессионального уровня политологических исследований в России. «Можно до бесконечности дискутировать о качестве работ российских политологов, приводить позитивные и негативные примеры. Немало наших исследований, например, серия работ «Библиотека РАПН» (издательство РОССПЭН), вполне соответствуют уровню аналогичных изданий наших западных коллег. Но не в этом дело. Как правильно уже отмечали коллеги, у нас нет или почти нет научных результатов мирового уровня, *мало прорывных идей, нет теорий и концепций, разработанных российскими политологами, которые получили бы всеобщее признание в мировой политической науке.* Не видно пока российских Хантингтонов, Веберов, Тоффлеров. И дело здесь не только в молодости российской политологии. Незначительное количество серьезных работ по

Колесник Наталья Владимировна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Социологического института РАН; Санкт-Петербургская химико-фармацевтическая академия (knv96@yandex.ru)

Natalia Kolesnik — Candidate of Sciences (Sociology), Senior Researcher, Sociological Institute, Russian Academy of Sciences (knv96@yandex.ru)

теории и методологии политической науки, без чего невозможно появление отечественных теоретических концепций, имеет свои причины»*.

Несмотря на описанные сложности, в серии «Политология» вышел очередной сборник «Политические институты России и Франции: история и современность». Перед прочтением у меня возникли вопросы об уместности и обоснованности проведения столь широких исторических параллелей, сравнения условий принятия российской Конституции 1993 г. и французской Конституции 1958 г. Но все вопросы рассыпались после прочтения внушительного введения к основным текстам сборника. Авторы этого введения, Д.В. Ефременко и Н.Ю. Лапина, отдают себе отчет в том, что сопоставление двух национальных случаев, французского и российского, может иметь серьезные аргументы как «за», так и «против». Сильным аргументом «за» сравнение случаев развития политических институтов России и Франции исследователи видят в том, в обеих странах сложился президентский политический режим и власть персонифицирована. Наблюдается сходство и между конституциями: «Анализируя Основной закон РФ, эксперты отмечают, что он многое заимствовал у конституционной модели 5 Республики, став своего рода “голливудской конституцией без де Голля”» (с. 7). Важно и то, что Франция и Россия — страны с давней централизаторской традицией. Если Франция прошла в развитии централизации различные стадии и в начале 80-х гг. XX в. приступила к политике децентрализации, то современная Россия представляет собой уникальное образование — «централизованную федерацию».

О структуре и содержании

Структурно книга представляет собой сборник научных трудов, в который вошли работы российских и французских исследователей. В первом разделе авторы предпринимая попытку с исторических позиций найти сходства и различия между Францией и Россией. Слободан Миласич, заслуженный профессор Университета Бордо, обращает внимание на дуализм французской политической системы, что не было свойственно российской истории. «При царизме, как и при коммунизме, в основе политической системы лежал идеологический монизм, а власть постоянно стремилась к установлению монополии. Это обстоятельство объясняет разные исторические пути развития Франции и России» (с. 16). К общим источникам вдохновения, т. е. интеллектуальной основе современной эпохи, автор относит эпоху Просвещения, которая стала матрицей культурной эволюции и идейным базисом западных политических систем. Проводя параллели, французский ученый обращает внимание на схожие системные феномены, несмотря на столетний хронологический разрыв. По мысли исследователя, важно обратить внимание на то, что в обеих странах сразу же после захвата власти и установления нового «революционного порядка» началось извращение революционного развития. «Политическая логика и правовые нормы не соответствовали на практике заявленным принципам». Далее Миласич делает важную ремарку, а именно указывает на то, что «с окон-

* Дискуссия о профессионализме в политике и политической науке. [<http://garpn.ru/?doc=4189&group=1623>]. Дата обращения 03.03.2016.

чением эпохи Просвещения Франция и Россия находятся на разных этапах социального, политического и правового развития. При изучении различий в историческом развитии двух стран следует помнить об этом факторе» (с. 23).

Методологическим вопросам изучения российского государства посвящена статья академика РАН Ю.С. Пивоварова. Автор считает, что до сих пор ученые «не удосужились разработать методологию, с помощью которой можно адекватно описывать, изучать, анализировать феномен Русского государства. Более того, большинство исследователей даже не подозревают, что “Русское государство” есть нечто в высшей степени специфическое» (с. 35). Обращаясь к этимологии концепта «государство», ученый объясняет читателю, что государство есть форма организации не власти вообще, а типа власти, который характерен для Западной Европы начиная с 16-17 столетий. «“A state” есть понятие, с помощью которого описывается этот феномен (и никакой другой!) тип власти» (с. 36). Для ответа на вопрос о том, что представляет собой современная конституция, автор апеллирует к текстам Карла Шмитта и Ганса Кельзена. Московский ученый обращает внимание на исторический и конституционно-правовой типы легитимности, которые дополняют друг друга и переплетаются, создавая новое качество. В общем и целом, данный текст оставляет ощущение того, как о базовых концептах политической теории можно писать понятно и увлекательно, это первое. Второе замечание связано с тем, что это не просто научный текст, а размышления о судьбах России с четкой гражданской позицией, демонстрирующей, на чьей стороне ученый.

Доцент из Бордо Филипп Кларе размышляет о 1958 г. в истории Франции, который стал символом радикального перелома, когда произошел переход от 4 к 5 Республике. Автор отдает себе отчет, что он первый из исследователей обращается к этой проблематике и рассматривает исторические условия, в которых была принята Конституция 5 Республики и произошел переход к новому политическому режиму. Для понимания переходного процесса Филипп Кларе предлагает применить три типа анализа: 1) изучить событийный ряд; 2) выделить доминирующие идеи и стратегии (концепции, намерения акторов); 3) исследовать способы управления государством в контексте французского политического и конституционного наследия (с. 67). По мысли Кларе, в основе голлистской республики и общественно-политического проекта 5 Республики лежала идея возрождения сильного государства. «Это государство имело неограниченную власть над людьми и отдельными группами, являясь центром юридической и политической системы. Государство должно было быть сильным, способным гарантировать национальное единство и стабильность институтов, стоящих над политическими интересами» (с. 73).

Об основах конституционного строя

Второй раздел сборника представлен работами, объединенными проблематикой изучения основ конституционного строя. В поле зрения профессора Высшей школы экономики А.Н. Медушевского находится сравнительный анализ конституций России и Франции. Почему автор этого текста обращается к сравнительному анализу конституций? А.Н. Медушевский считает, что данная тема вполне актуальна с позиций когнитивной юриспруденции для выяс-

нения перспективных тенденций дуалистических систем в двух странах. Ученый всесторонне рассматривает вопрос сравнения французской и российской конституций и подчеркивает не только сходство, но и различия. «Основные отличия двух конституций заключаются в решении ими вопросов интерпретации формы правления, разделения властей и соответственно правительства» (с. 85). Определяя векторы текущих конституционных изменений в России, ученый заключает, что в обществе имеет место политическое однообразие, дебаты утратили остроту, парламент перестал быть местом для дискуссии, правящая партия превратилась в «парламентскую партию». В общем и целом, «направления проектируемых российских изменений совпадают с теми линиями изменений, которые уже имели место в истории французской конституционной системы и могут быть инструктивными для российских конституционных реформ» (с. 110).

Профессор Сорбонны Бернар Матье, определяя место президента Республики во французской политической системе, рассматривает соотношение между текстом Конституции и практикой. В первой части своей работы ученый ищет ответ на вопрос о том, кто во Франции руководит государством. Ответ на этот вопрос неоднозначный. «В стране существует диархия, если президент Республики не может оказать давление на парламентское большинство. ...В этом случае исполнительная власть неравномерно распределяется между президентом Республики, исполняющим функцию арбитра, и премьер-министром, осуществляющим государственную политику» (с. 114). Далее исследователь тщательно разбирается в распределении компетенций между президентом Республики и премьер-министром и в том, как осуществляются функции исполнительной власти президентами 5 Республики. Он убедительно доказывает на эмпирическом материале, что президент — центральная фигура 5 Республики, но случаются в истории Франции и такие моменты, когда президент не сохраняет первостепенную политическую роль, но сохраняет президентство. Одним из принципиальных вопросов в политической системе Франции является определение того, какова ответственность главы государства. Различается два уровня ответственности: политическая ответственность президента перед народом и уголовно-правовая ответственность.

Ученый из Высшей школы экономики М.А. Краснов обратился к проблеме того, что смешанная модель правления, которая действует во Франции 55 лет, а в России 20 лет, таит в себе угрозу перерастания демократического политического режима в авторитарный. Почему? Президент в смешанной модели получает «мандат на власть» из рук народа, ему становится «тесно» в роли «высшего представителя» и «символа», он стремится к расширению своего влияния на все публично-властные институты и на все сферы публичной жизни (с. 130). В целом, М.А. Краснов определяет, что во Франции не реализуется авторитарный потенциал главы государства в силу сильного гражданского общества и давних авторитарных традиций, существования баланса в системе сдержек и противовесов. Анализируя статьи Конституции РФ, автор показывает, что «не все функции отвечают предназначению президента, ... не все полномочия соответствуют его конституционным функциям» (с. 133). В качестве вывода исследователь предлагает три модели, демонстрирующие степень расширения прези-

дентской компетенции: расширение практически не происходит (Болгария, Македония и др. страны); расширение существует, но при этом сохраняется дух конституционализма (Франция, Хорватия); расширение становится, по существу, бесконтрольным (Россия, ряд новых государств и бывших союзных республик).

Об элите и российской власти

Особый интерес для меня представляет третий раздел сборника, в который вошли работы ведущих российских элитологов — Н.Ю. Лапиной, А.В. Дуки, А.Е. Чириковой, А.И. Соловьева. Для московского профессора А.И. Соловьева свойства и способности государственной власти важно исследовать в рамках теории политического режима. Исследователь предлагает рассматривать политический режим в качестве особого актора политических изменений, анализируя его деятельность как оператора государственной власти и стратегического проектировщика (с. 149). Это измерение позволяет автору работы точнее определить влияние на власть элитных группировок, выявить механизмы межличностной коммуникации, культурной и психологической оснащённости элиты и ее лидеров. Анализируя опыт России, ученый обращает внимание на то, что на протяжении последних двадцати лет в политической истории происходило сужение системных оснований политического режима. Особый интерес представляют размышления автора о том, как происходит формирование нынешнего правящего режима: на основе принципов протекционизма, персональной лояльности госадминистрации, по отраслевому принципу (в основном выходцы из углеводородного сектора). Особенности формирования властвующей элиты привели к тому, что элита так и «не смогла решиться на демократию».

Н.Ю. Лапина, главный научный сотрудник ИНИОН, обратилась к исследованию становления такого научного направления, как элитизм в России и Франции. Автор ставит целью проанализировать формирование элитистского течения в российской и французской политической науке, содержание и основные направления анализа, результаты новейших исследований, осуществленных в России и Франции. Основательно изучив французский корпус научной литературы по элитам, ученый различает два подхода в анализе элиты. По мнению Н.Ю. Лапиной, М. Бозер, Б. Бертэн-Муро определяют французские элиты как гомогенные и тяготеющие к интеграции. Странники этого подхода показывают в своих исследованиях, что «принадлежность к элите важнее политической принадлежности». Вторая точка зрения акцентирует внимание на «процессах фрагментации, которые наблюдаются внутри элиты в последние годы, диверсификации источников ее рекрутирования и карьерных траекторий» (Л. Рубан). Начало развития российской элитологии московский политолог хронологически связывает с первым постсоветским десятилетием, когда произошла «институционализация элитологии» (с. 165). Признаками институционализации являются не только сформированные научные школы в Москве и Санкт-Петербурге, центры элитологии в Перми, Ростове-на-Дону, Тамбове, но и в начавшемся преподавании элитологии, проведении эмпирических исследований.

В поле зрения Р. Волкова, докторанта из Бордо, оказались вопросы практики «пантуфляжа» во Франции и России. Насколько можно говорить о близости карьерных траекторий французской и российской элит? Автор работы придерживается мнения о сопоставимости российского и французского случаев и показывает, что существует два фактора сходства карьер представителей высшей административно-бюрократической элиты во Франции и России. «Во-первых, устойчивая тенденция перехода государственных чиновников на работу в наиболее значимые сектора экономики и на высокие политические посты; во-вторых, переход государственных служащих на новую работу с учетом сохранения специализации в определенной области» (с. 188). Р. Волков убедительно и на большом эмпирическом материале показывает, что если траектории административных карьер во Франции и России имеют сходство, то основным различием двух национальных случаев является институциональная логика, позволяющая переходить из госслужбы в бизнес (в российском случае чиновники назначаются на высокие должности, во французском варианте — чиновники лично определяют собственную стоимость и место на рынке труда).

О том, как осуществляется процесс институционализации и рекрутирования постсоветской элиты, рассуждает петербургский ученый из СИ РАН А.В. Дука. В начале текста автор объясняет читателю, кто такая «постсоветская элита», и предлагает употреблять термины «группы доминирования», «властные группы», «властные, политические элиты» как взаимозаменяемые. Исследователь различает два основных этапа в процессе существования, формирования, функционирования политических элит в России. Первый этап, полагает А.В. Дука, связан с разрушением прежнего советского государства и «захватом власти группой, претендующей на доминирующее положение в новом государстве». Второй этап связан со становлением единого властного сообщества (происходит консолидация и интеграция элит). При этом автор обращает внимание на базовый фактор, который влияет на процессы институционализации элит — социетальная неопределенность (с. 205). Далее политолог хронологически рассматривает эти два периода и выявляет их особенности. Особый интерес для элитологии представляет раздел, в котором содержатся эмпирические данные, на основе которых автор работы выстраивает свои рассуждения. В качестве промежуточного итога отмечено, что к концу 2013 г. консолидация и интеграция элит свершилась (с. 224).

Московский социолог А.Е. Чирикова изучила проблематику политических тенденций и неформальных практик региональной и муниципальной власти в России. Следует отметить, что этот сюжет в современной российской элитологии мало изучен и обращение к этой проблематике вызывает научный интерес. Большая ценность данной работы состоит не только в сюжете исследования, но и в том, что автором проведено эмпирическое исследование в трех российских регионах и шести малых российских городах (проведены интервью с представителями региональных элит и муниципальными руководителями!). Эмпирические данные позволяют автору заключить, что неформальные правила во власти являются способом реализации контроля за политической ситуацией в регионе и возможностью для региона заставить Центр действовать в своих интересах. А.Е. Чириковой различаются три направления формирования

неформальных коалиций: внутри самого бизнеса, между властью и бизнесом, между бизнесменами, чиновниками и партией «Единая Россия» (с. 240). Анализ полученных данных позволил социологу определить, что «неформальная составляющая в отношениях городской/районной власти и бизнеса явно превалирует над формальной» (с. 241). В заключении автор пишет, что власть в России претерпела изменения и сегодня стала внутренне связной, укрепила свои ресурсы, а ее региональные звенья находятся под контролем федерального центра.

В целом сборник получился содержательным и представляет интерес не только для начинающих исследователей, студентов, преподавателей, читающих лекционные курсы, но и для тех, кто в данном исследовательском поле находится уже давно. Профессионалу, наверное, кажется, что уже определены исследовательские рамки в изучении политических институций как России, так и Франции. Однако это не совсем так, и в данном направлении есть «точки роста». Материал, представленный в сборнике, обладает научной ценностью не только потому, что тексты получились насыщенными и яркими: немаловажно и то, что они корректны с научной точки зрения. Это прежде всего означает, что в научных текстах содержатся выверенные и взвешенные выводы, авторы глубоко проникают в предмет исследования и вводят в оборот корпус специальной научной литературы по изучаемому объекту. Более того, важным представляется и то, что при исследовании российских политических практик авторы сборника видят уместным изучить не только зарубежную литературу, но и ознакомиться с результатами российских исследований.